Закрытіе Экономической Конференціи

ОТЪ НАШЕГО СПЕЦІАЛЬНАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

Сегодня въ 7 часовъ, послѣ 19 дней работы, закрылась Международная Экономическая Конференція въ Женевѣ, этотъ первый міровой экономическій парламентъ, въ которомъ 194 делегата и 157 экспертовъ представляли 50 государствъ всѣхъ частей свѣта.

Оцѣнка общихъ результатовъ экономической конференціи составитъ предметъ особаго, послѣдняго моего письма.

Какъ уже извѣстно изъ телеграммъ, въ субботнемъ засѣданіи приняты были три основныя резолюціи — по сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности.

Всѣ резолюціи были приняты всѣми голосами **противъ четырехъ совѣтскихъ делегатовъ.** При каждомъ изъ трехъ голосованій вставали противъ Осинскій, Сокольниковъ, Хинчукъ и Лепсе — подъ все усиливающійся смѣхъ всего зала — съ растерянными улыбками на лицахъ.

Такомъ результатъ дѣлового сотрудничества совѣтской делегаціи на міровой экономической конференціи.

Пространныя резолюціи Конференціи въ порядкѣ ихъ обсужденія сильно «вывѣтрились» за счетъ ихъ конкретнаго содержанія: постепенно выбрасывалось то, что встрѣчало возраженія со стороны отдѣльныхъ странъ и группъ. Поэтому резолюціи конференціи можно критиковать съ точки зрѣнія ихъ относительной безсодержательности. Но зато онѣ представляютъ собою тотъ программный минимумъ, который оказался пріемлемымъ для всей конференціи, представляющей квалифицированное экономическое «общественное мнѣніе» всего міра, — пріемлемымъ какъ для великихъ державъ, такъ и для малыхъ народовъ, какъ для промышленниковъ, такъ и для рабочихъ въ лицѣ подписавшаго въ свое время призывъ къ всеобщей стачкѣ англичанина Пью, француза Жуо и нѣмца Эггерта.

И вотъ этотъ минимумъ, заключающій въ себѣ призывъ къ экономическому разоруженію, подчеркивающій и выдвигающій элементы взаимной международной **экономической зависимости и солидарности** — этотъ минимумъ, который признали для себя морально обязательнымъ всѣ народы міра, оказался непріемлемымъ для делегаціи СССР., съ перваго же дня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выдвигавшей на первый планъ не элементы солидарности, а элементы раздора и разногласія — «экономическія противорѣчія» капиталистическаго міра!

Трудно было опредѣленнѣе и ярче, чѣмъ это сдѣлали за эти три недѣли сами большевики, подчеркнуть абсолютную безплодность ихъ участія въ Женевскомъ экономическомъ парламентѣ, **ихъ само-изоляцію, изолированіе ими подвластной имъ Россіи.**

Но какъ я отмѣчалъ уже въ первомъ моемъ письмѣ, участіе большевиковъ въ Конференціи **съ самаго начала** проникнуто было двойственностью.

Съ одной стороны они не упускали ни одного случая — не останавливаясь передъ прямымъ передергиваніемъ фактовъ и цифръ (выступленія Осинскаго о продолжительности рабочаго дня въ СССР!) — чтобы рѣзко противопоставить соціалистическій рай СССР капиталистическому аду остального міра.

И въ то же время они изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы добиться отъ конференціи резолюціи, «бумажки», признающей, что рай и адъ отлично могутъ мирно уживаться рядомъ другъ съ другомъ, что общеніе обитателей ада съ жителями рая не представляютъ собою ничего предосудительнаго и опаснаго... для первыхъ!

На полученіе этой «бумажки» и были направлены всѣ усилія большевиковъ. О закулисной борьбѣ, происходившей на этой почвѣ въ «комитетѣ координаціи», уже извѣстно изъ телеграммъ.

Совѣтская делегація потребовала, угрожая отъѣздомъ, принятія резолюціи, первая часть которой заключала знаменитую формулу о «мирномъ сосуществованіи» двухъ системъ, а вторая — рекомендовала всѣмъ государствамъ въ интересахъ мира признаніе СССР и тѣсное экономическое сотрудничество съ нимъ.

Противъ этого шантажа, противъ этой попытки политической контрабанды подъ флагомъ конференціи, рѣшительно возстали сэръ Артуръ Бальфуръ, Лушеръ и представитель II Интернаціонала голландецъ Удегестъ.

Большевики никого «не запугали», отказались отъ своей резолюціи и... не уѣхали.

Въ утѣшеніе и въ награду за относительно смирное поведеніе лидеры конференціи рѣшили бросить большевикамъ кость въ видѣ резолюціи, которая гласитъ:

«Конференція, признавая огромное значеніе возстановленія міровой торговли, абсолютно воздерживаясь отъ вмѣшательства въ политическіе вопросы, считаетъ участіе всѣхъ странъ міра, каковы бы ни были ихъ экономическіе системы, счастливымъ преданаменованіемъ (un présage heureux) мирнаго торговаго сотрудничества всѣхъ народовъ».

Далѣе конференція принимаетъ къ свѣдѣнію заявленіе совѣтской делегаціи, что она признаетъ для себя обязательными только пункты резолюцій, указанные въ особомъ спискѣ.

Противъ такой общей и ничего не говорящей формулы возраженій не было и она была принята сегодня единогласно.

Почему большевики такъ настаивали на полученіи «бумажки»? «Имъ нужно имѣть отъ конференціи пропускъ въ капиталистическій адъ» — острили сегодня въ кулуарахъ.— и я думаю, что эта острота соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Настойчивыя требованія большевиковъ о выдачѣ имъ свидѣтельства о буржуазной благонадежности болѣе серьезные люди объяснили происходящими за кулисами переговорами съ членами американской делегаціи о признаніи и о кредитахъ. Эти слухи, пущенные едва-ли не самими большевиками, настойчиво передавались въ кулуарахъ конференціи послѣднюю недѣлю.

Но и эта попытка большевиковъ поднять свой престижъ кончилась неудачей. Во время сегодняшняго дневного засѣданія американская делегація выпустила опроверженіе, составленное въ особо категорической формѣ, и особливо подчеркивающее, что оно касается не только пяти членовъ делегаціи, но также всѣхъ американскихъ экспертовъ и вообще американскихъ гражданъ.

Нужно было какъ-нибудь сгладить впечатлѣніе само-изоляціи совѣтской делегаціи, оставшееся въ средѣ конференціи послѣ субботняго засѣданія, а также пораженія, понесенное въ «комитетѣ координаціи» по вопросу о резолюціи.

Эту неблагодарную задачу взялъ на себя Осинскій въ своей заключительной, прочитанной сегодня днемъ, деклараціи, общее содержаніе которой извѣстно уже изъ телеграммъ.

Послѣ обычной и обязательной для всѣхъ совѣтскихъ выступленій порціи митинговой полемики противъ II Интернаціонала, который олицетворяется въ глазахъ большевиковъ товарищамъ Жуо, Осинскій сказалъ, что передъ конференціей былъ открытъ только одинъ путь къ успѣху — положить въ основу своихъ работъ всѣ тѣ же пресловутые «11 пунктовъ» Осинскаго. Но представители капиталистическихъ государствъ не пожелали пойти по этому единственному вѣрному пути и предпочли ограничиться второстепенными вопросами.

Совѣтская делегація не можетъ голосовать за резолюцію въ цѣломъ, какъ потому что она несогласна съ отдѣльными частями резолюцій, такъ и потому, что она не можетъ признать Лигу Націй исполнительнымъ органомъ экономической конференціи, такъ какъ СССР не состоитъ членомъ Лиги и не намѣренъ въ нее вступить.

Но принимая во вниманіе, что въ упомянутой мною выше резолюціи подчеркнутъ фактъ мирнаго сосуществованія двухъ системъ — хотя и въ формѣ, по мнѣнію совѣтской делегаціи, недостаточной — делегація СССР при голосованіи всѣхъ резолюцій въ цѣломъ воздержится отъ голосованія.

Такомъ былъ заключительный аккордъ совѣтской делегаціи на женевской экономической конференціи.

Совѣтская делегація возвращается въ Москву съ пустыми руками. Ея выступленія въ Женевѣ заставили прозрѣть многихъ слѣпыхъ. А зрячіе получили новое подтвержденіе правильности своихъ взглядовъ.

Неожиданное рѣшеніе большевиковъ — ѣхать въ Женеву объясняли крушеніемъ ихъ китайской политики и желаніемъ отыграться на Западѣ.

Если это объясненіе правильно, то мы можемъ сегодня спокойно сказать:

Женевская конференція нанесла новый тяжелый ударъ международному престижу большевиковъ. III Интернаціоналъ потерпѣлъ новое пораженіе — на сей разъ на западномъ фронтѣ.

В. Гефдингъ.

Женева, 23 мая 1927 г.

Въ Совѣтской Россіи

УЛУЧШЕНІЕ ПОЛОЖЕНІЯ НАУЧНЫХЪ РАБОТНИКОВЪ

Въ пленарномъ засѣданіи центральнаго совѣта научныхъ работниковъ, проф. Лупполъ заявилъ, что ему удалось добиться увеличенія ассигнованій на заграничныя командировки. Въ связи съ этимъ въ этомъ году поѣдетъ заграницу около 400 научныхъ работниковъ. Сейчасъ каждый научный работникъ имѣетъ право, безъ особаго разрѣшенія, выписывать изъ за границы книгъ на 100 рублей въ мѣсяцъ.

СНОСЪ СРѢТЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

Въ цѣляхъ выправленія Большой Лубянки рѣшено снести Срѣтенскій монастырь. Главнаука дала свое согласіе. Работы начнутся въ ближайшемъ будущемъ.

ФРАНКО-СОВѢТСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Московскій корреспондентъ «Ивнингъ Стандардъ» сообщаетъ, что совѣтъ народныхъ комиссаровъ поручилъ Чичерину ускорить заключеніе соглашенія съ Франціей.

Повидимому, инструкція находится въ связи съ англо-совѣтскимъ разрывомъ.

СОВѢЩАНІЯ РЕНТГЕНОЛОГОВЪ

21-го мая въ Петербургѣ открылось всесоюзное совѣщаніе рентгенологовъ.

ЮБИЛЕЙ ПРОФ. БОГОРОДИЦКАГО

Въ Казани состоялось чествованіе по поводу 70-лѣтія извѣстнаго тюрколога проф. Богородицкаго.

РАЗСТРѢЛЪ ПЯТЕРЫХЪ

Въ Ельцѣ за убійство селькора Разинкова пять человѣкъ приговорены къ разстрѣлу, одиннадцать къ тюрьмѣ.

ВЪ СОВѢТСКОЙ ДЕРЕВНѢ

Орловскій корреспондентъ «Правды» жалуется, что сельскій кредитъ, вопреки указаніямъ центра, идетъ на пользу, главнымъ образомъ, состоятельной части деревни и при томъ единоличникамъ. Согласно обслѣдованію низовой кредитной сѣти въ семи волостяхъ семи различныхъ уѣздовъ, бѣдняки получили лишь одну треть всѣхъ кредитовъ, причемъ, чѣмъ состоятельнѣе заемщикъ, тѣмъ на болѣе льготныхъ условіяхъ предоставляется ему кредитъ. Большую часть кредита получили единоличники. Любопытно, что если бѣднякамъ и оказывался этотъ кредитъ, то подъ поручительство кулаковъ. Этимъ бывалъ обезпеченъ возвратъ кредитовъ, но провозглашенная совѣтами помощь бѣднякамъ оказалась неосуществленной.

ПОКАЯНІЯ ОППОЗИЦІИ

Какъ выясняется изъ «Правды» (21 мая) еще недавно коммунистическая академія имѣла небольшое, но сплоченное оппозиціонное ядро. Обсужденіе дѣла Лашевича, итоговъ очередныхъ пленумовъ ВЦИК-а, октябрьской вылазки оппозиціи и т. д., проходило въ ячейкѣ при воздержаніи 10-15 товарищей-оппозиціонеровъ. Только 18-ое мая явилось поворотной датой. На повѣсткѣ дня общаго собранія ячейки было пресловутое выступленіе Зиновьева. Послѣ краткой информаціи собранія, оппозиціонерка тов. Мино заявила протестъ: «вопросъ неясенъ... информація односторонняя... прежде чѣмъ принимать рѣшеніе слѣдовало бы пригласить тов. Зиновьева...» И дальше обычное: «Въ партіи зажимъ, надо обсудить спорные вопросы при партіи и т. д.».

Этотъ протестъ вызвалъ отпоръ со стороны бывшихъ товарищей по оппозиціи, коммунистокъ Николаевой и Тарасовой, которыя обвиняли оппозицію въ томъ, что она въ своей средѣ также не даетъ свободы слова, какъ и вообще въ партіи. «Оппозиція не позволяетъ своимъ сторонникамъ говорить то, что они думаютъ». По заявленію ренегатокъ въ оппозиціи наблюдается непреодолимая тяга къ единству съ партіей, несмотря на то, что оппозиціонеры травятъ возвращающихся, обзывая ихъ «ренегатами, шкурниками».

Собраніе, конечно, привѣтствовало выступленіе Николаевой.

ГРОЗА НАДЪ ТЕАТРАМИ

Мы уже сообщали о коммунистическомъ совѣщаніи, посвященномъ театру и о тѣхъ агрессивныхъ выступленіяхъ, которыя тамъ имѣли мѣсто. Теперь одинъ изъ докладчиковъ, Кнориньъ, подводитъ итоги совѣщанію въ «Правдѣ» (22 мая). Партія должна подойти ближе, чѣмъ это было до сихъ поръ, къ вопросамъ театральной политики, — говоритъ Кнориньъ. Истекшій театральный годъ былъ переломнымъ годомъ. До сихъ поръ театральная политика была въ основномъ охранительно-экспериментальной. Теперь театры должны пережить полосу идейно-политической реконструкціи. Отмѣчая, что вліяніе театра сильнѣе вліянія литературы, Кнориньъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ, что, съ другой стороны, если творчество старыхъ писателей происходитъ совершенно независимо отъ совѣтскаго государства до окончанія творческаго процесса, то художественное мастерство Станиславскаго, Таирова, Южина и другихъ подконтрольно совѣтскому государству. Въ театрѣ весь творческій процессъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ находятся театральное помѣщеніе и тѣ капитальные рессурсы, безъ которыхъ художественная постановка немыслима. Это, заключаетъ Кнориньъ, дѣлаетъ наши позиціи по отношенію къ старому театральному мастерству гораздо болѣе выгодными и ихъ использованіе гораздо болѣе возможнымъ, чѣмъ въ области литературы.

Современные театры нельзя еще признать пролетарскими и соціалистическими, хотя они уже и сейчасъ имѣютъ крупное политическое значеніе. Для дальнѣйшихъ успѣховъ въ этомъ смыслѣ должна быть измѣнена линія государственныхъ органовъ по отношенію къ театру, въ смыслѣ ихъ субсидированія, освобожденія отъ налоговъ и руководства ими.

Бѣдные театры!

Записная книжка

Боюсь, что пройдетъ незамѣченной, не отмѣченной новая выходка Горькаго. А отмѣтить ее непремѣнно надо — въ назиданіе тѣмъ, которые все еще продолжаютъ долбить:

— А все-таки это удивительный писатель!

Горькій, какъ извѣстно, довольно часто занимается теперь писаніемъ воспоминаній о разныхъ извѣстныхъ покойникахъ. Иныя изъ нихъ снабжены всяческими лирическими отступленіями, сентенціями, мудрствованіями. И къ такимъ принадлежатъ, напримѣръ, недавно имъ опубликованныя въ «Красной Нови» воспоминанія о Гаринѣ-Михайловскомъ. И читая ихъ, истинно диву даешься: да какъ же это можно на старости лѣтъ говорить съ такой развязностью, ухмыляясь, такія пошлости!

— Изрѣдка, вѣшаетъ Горькій, въ мірѣ нашемъ являются люди, коихъ я назвалъ бы веселыми праведниками....

— Я думаю, что родоначальникомъ ихъ слѣдуетъ признать не Христа, который, по свидѣтельству Евангелій, былъ все-таки немножко педантъ. Родоначальникъ веселыхъ праведниковъ есть, вѣроятно, Францискъ Ассизскій, великій художникъ любви къ жизни....

У Чехова помѣщикъ Гаевскій говоритъ своему лакею:

— Отойди, братецъ, отъ тебя курицей пахнетъ!

А чѣмъ пахнетъ отъ этихъ разсужденій о «педантѣ» Христѣ и о «художникѣ» Францискѣ Ассизскомъ? Одно хочется сказать:

— Отойди, братецъ, поскорѣе и подальше отойди!

А въ Парижъ пріѣхалъ Луначарскій, разжирѣвшій на совѣтскихъ хлѣбахъ, сопутствуемый одной изъ своихъ супругъ, тоже, вѣроятно, довольно упитанной... И вспомнилось, какъ нѣкогда тощъ и убогъ былъ этотъ теперешній вельможа, какъ околачивался онъ возлѣ Горькаго на Капри, среди прочихъ лодырей и жуликовъ, изъ которыхъ состояла тогда извѣстная «коммунистическая школа», руководимая и питаемая Горькимъ... И какъ этотъ Луначарскій, заядлый не только коммунистъ, но и эстетъ, читалъ надъ гробикомъ своего умершаго первенца «Литургію Красоты» Бальмонта...

Кстати:

Въ прошломъ году Горькій въ «Вечерней Красной Газетѣ» напечаталъ статейку по поводу того, что я, разсказывая въ Парижѣ о собакѣ старика нищаго, убитаго красноармейцами, которая послѣ того яростно кидалась на всѣхъ красноармейцевъ, заключилъ свой разсказъ пожеланіемъ, чтобы и во мнѣ не угасала подобная же ненависть «къ русскому Какну». — Горькій тогда писалъ:

— «Моралистамъ Бунинъ далъ хорошій поводъ говорить о слѣпотѣ ненависти. Остроумные люди, вѣроятно, очень посмѣются надъ мольбой культурнаго человѣка и прекраснаго писателя, который дожилъ до того, что вотъ, предпочитаетъ собачье бѣшенство человѣческимъ чувствамъ...»

Пользуюсь случаемъ отвѣтить Горькому: да, остроумный милостивый государь, дожилъ. Дожилъ при вашей доброй помощи. — при помощи вашихъ друзей, Дзержинскихъ и Луначарскихъ, вмѣстѣ съ вами утверждающихъ во всемъ мірѣ такую «слѣпоту ненависти», которой міръ еще никогда не видывалъ. Дожилъ до тѣхъ дней, когда, какъ сказалъ мнѣ одинъ сербскій епископъ, «стало человѣку стыдно поднять глаза на животное и звѣря». И не вамъ, чекистамъ, заноситься надъ собаками, и особенно надъ собакой этого нищаго старика, убитаго вашимъ доблестнымъ воинствомъ для потѣхи. И ничуть не бѣшеная она была, и не бѣшенство я предпочитаю «человѣческимъ чувствамъ» — хотя ужъ какія тамъ человѣческія чувства могутъ быть у насъ къ вамъ! — и не слѣпоту проповѣдовалъ я, а именно ненависть, вполнѣ здравую и, полагаю, довольно законную.

«Остроумные люди, вѣроятно, очень посмѣются надъ мольбой культурнаго человѣка...» Интересно знать, почему собственно, надо быть остроумнымъ, чтобы надъ этой мольбой смѣяться? По моему, для этого надо быть скорѣе большой тупицей, которой и въ голову не приходитъ самый простой вопросъ: да какъ же въ самомъ дѣлѣ случилось, что «культурный человѣкъ и прекрасный писатель» дожилъ до того, что вотъ, предпочитаетъ собачье бѣшенство человѣческимъ чувствамъ»?

Впрочемъ, что жъ взять съ Горькаго? Онъ всегда былъ склоненъ къ остроумію, къ снисходительной усмѣшкѣ. Чекисты ходили по колѣно въ крови въ своихъ подвалахъ, а онъ усмѣхался, онъ трунилъ, онъ похлопывалъ насъ по плечу, онъ писалъ, — буквально такъ:

— Спѣшу успокоить напуганныхъ мѣщанъ: Ленинъ очень не чуждъ добродушнаго смѣха, въ его глазахъ часто вспыхиваетъ огонекъ чисто женской нѣжности....

Да и что жъ ему, въ самомъ дѣлѣ, горевать, сидя въ Сорренто? Имъ теперь всѣмъ вольготно и весело. Горькій посмѣивается, потягивая итальянское винцо, Луначарскій сладко ухмыляется въ монмартрскихъ кабакахъ, Маяковскій, — тотъ самый Маяковскій, котораго еще въ гимназіи звали Иліотъ Полифемовичъ, — ржетъ то въ Парижѣ, то въ Прагѣ...

Кстати, о Прагѣ. Намъ пишутъ: «А въ Прагѣ Сейфуллина... И какъ-то на-дняхъ ее спросили, интересуются ли въ Россіи писателями - эмигрантами, и она отвѣтила: «да, конечно, — вотъ недавно «Митину любовь» перевели...»

Обмолвка? Обмолвка во всякомъ случаѣ замѣчательная!

Ив. Бунинъ.

На Дону

КАЛЕДИНА НЕ ЗАБЫЛИ

Намъ доставленъ текстъ пѣсни, сложенный на Дону года два тому назадъ. Поется она на мотивъ старинной казачьей пѣсни: "Ту подуй, подуй, вѣтеръ низовый".

Въ письмѣ сообщаютъ, что эта пѣсня сейчасъ очень популярна среди казаковъ. Приводимъ ее полностью;

Есть на кладбищѣ Дона могила,
По ночамъ она свѣтомъ горитъ,
То съ казачествомъ тайною силой,
Атаманъ Калединъ говоритъ.
Онъ лежитъ подъ крестомъ погребенный,
Но не спится душѣ удалой.
По степямъ она ночью гуляетъ
И зоветъ на рѣшительный бой.
Сердце Дона, залитое кровью,
Стоны вольныхъ окраинъ Донскихъ,
Не даютъ Атаману покоя,
Онъ душой изнываетъ за нихъ.
Гей, Донскіе орлы, боевые!
Поклянитесь мнѣ въ вашихъ сердцахъ,
Что вернемъ мы степи родныя,
Успокойте мой прахъ.
Поклянитесь вы мнѣ, Атаману,
Что недаромъ я жизнь загубилъ,
Что воротимъ, иль рано, иль поздно
Нашихъ предковъ покой у могилъ.
Поклянитесь, что игомъ позора
Не позволимъ мы Донъ запятнать,
Что казачьяго гордаго взора
Не придется къ землѣ опускать.
Въ день его одинокой кончины
Крестнымъ знаменемъ грудь осѣня
И молитвой великой помины,
Помолись вся Донская земля.
Да, проститъ ему Богъ Вседержитель,
Самовольный, грѣховный конецъ.
Да, введетъ во святую обитель
И надѣнетъ терновый вѣнецъ.
Спи спокойно, нашъ мученикъ славный,
Пусть легка тебѣ будетъ земля,
Не забудетъ народъ православный
Помянуть на молитвѣ тебя.
Мы не склонимъ Донскія знамена,
Мы ворвемся во вражескій станъ,
Мы воротимъ всѣ степи Донскія,
Спи спокойно, Донской Атаманъ.

Западно-европейскіе источники евразійства

Духовная жизнь русскихъ въ разсѣяніи рядомъ съ отрадными явленіями, какъ, напримѣръ, подъемъ религіознаго и національнаго сознанія, породили и уродливыя явленія. Таково евразійство. Его вожди внушаютъ неискушенной молодежи новое пониманіе русской исторіи, русской географіи и русскаго призванія. Русская исторія, оказывается, пошла совсѣмъ не изъ Кіева, а изъ туранскихъ степей. Счастливѣйшимъ временемъ жизни Россіи, оказывается, было такъ называвшееся до сихъ поръ татарское иго. Москва получила наслѣдіе не Кіева, а Чингисхана. «Московскій улусъ», Кремль, это — перекочевавшая въ Москву ханская ставка. Такая философія русской исторіи во многомъ совпадаетъ съ историческою схемою украинскаго самостійника проф. Грушевскаго, тоже отрывающаго Москву отъ Кіевской Руси. Русская географія, по ученію евразійцевъ, состоитъ въ томъ, что «мѣсторазвитіемъ» Россіи оказывается «монголосфера». Въ современномъ положеніи Россіи евразійцы не усматриваютъ порабощенія народа интернаціоналомъ западно-европейскаго толка, навязывающимъ русскому народному сознанію идеи нѣмецкой книги, написанной вестфальскимъ уроженцемъ Карломъ Марксомъ, а русскому языку партійный жаргонъ западныхъ соціалистовъ. Они усматриваютъ возрожденіе не выдуманной славянской или варяжско-славянской, а настоящей русско-туранской Россіи — Евразіи, преемницы великаго наслѣдія Чингисхана». Евразійцы привѣтствуютъ отпаденіе отъ Россіи западныхъ областей, ибо онѣ «въ монархію Чингисхана не входили». Русское призваніе они видятъ не въ Россіи, а въ Евразіи. Ея духовная основа — нѣкое православно-мусульманское «бытовое исповѣдничество». Ея устройство и управленіе — сочетаніе традиціи Золотой Орды съ большевицкими совѣтами. Въ ожиданіи евразійцы усвоили совѣтское правописаніе и отыскиваютъ утѣшительныя и здоровыя проявленія не столько въ условіяхъ русскаго народа сбросить съ себя ярмо коммунистовъ, сколько, напротивъ, въ политикѣ и администраціи этихъ самыхъ коммунистовъ. Все это провозглашается, какъ выраженіе русской самобытности и противополагается романо-германскому западу.

Однако отношеніе евразійцевъ къ западу отличается двойственностью. Они кляныутъ его и призываютъ къ разрыву съ нимъ. Но они же пользуются его гостепріимствомъ. Болѣе того, какъ ими самими было публично заявлено, на одномъ открытомъ евразійскомъ собраніи въ Прагѣ, которое было спеціально посвящено вопросу о матеріальныхъ средствахъ евразійства и на которое особыми повѣстками приглашались даже недоброжелатели евразійства, они издаютъ свои книги при денежной поддержкѣ западно-европейскихъ меценатовъ. Но и этого мало. Ихъ ученіе питается и духовными источниками западнаго происхожденія. Въ новизнѣ ихъ мнимо-самобытныхъ утвержденій сказывается старина нѣкоторыхъ спецификски западныхъ попытокъ рѣшенія русскаго вопроса. Такъ какъ вожди евразійства не знаютъ или умалчиваютъ объ этомъ и помѣщаютъ на своихъ книгахъ высокомѣрное заявленіе, что «европейское не цитуется», то да будетъ намъ позволено привести нѣсколько соотвѣтственныхъ цитатъ.

Западные предтечи евразійцевъ могутъ быть подведены подъ три категоріи. Первую, наименѣе характерную, представляютъ тѣ, сравнительно рѣдкіе случаи, когда романо-германцы желали подражать туранцамъ или когда они провозглашали себя потомками туранцевъ, дошедшихъ въ V вѣкѣ подъ предводительствомъ Атиллы до Франціи, которая чуть не стала Франко-Азіей; что несомнѣнно повліяло на этническій составъ западной Европы (между прочимъ, многіе французы называютъ Клемансо монголомъ, за его выдающіеся скулы). Въ первомъ отношеніи канцлеръ Пакье удостовѣрилъ, что «Чингисханъ больше нравился воображенію Наполеона, чѣмъ Цезарь». Такъ какъ Атилла былъ включенъ въ германскія легенды о Нибелунгахъ, то новѣйшій Зигфридъ, Вильгельмъ II, посылая нѣмецкую карательную экспедицію въ Китай, уподобилъ ее гуннамъ, а самого себя «бичу Божію» Аттилѣ. Во второмъ отношеніи заслуживаетъ вниманія заявленіе Ришпена, въ собраніи стиховъ, краснорѣчиво озаглавленныхъ «Богохульство». Онъ заявилъ, что онъ не французъ, а туранецъ: «да, это мои предки. Хотя я живу во Франціи, но я и не латинянинъ и не галлъ. У меня тонкія кости, желтая кожа, мѣдные глаза, бедра наѣздника и презрѣніе къ законамъ. Да, я ихъ ублюдокъ. Ихъ кровь кипитъ въ моихъ жилахъ, ихъ кровь дала мнѣ... отвращеніе къ идеалу и жажду пустоты».

Вторую категорію образуютъ тѣ романо-германцы, которые пытались внушить русскимъ, что ихъ призваніе не въ Европѣ, а въ Азіи, которую они должны цивилизовать. Въ дневникѣ Пушкина отмѣченъ «любопытный разговоръ» съ Блайемъ: «Долго ли вамъ — сказалъ этотъ англійскій дипломатъ — распространяться. Ваше мѣсто Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи». Спустя два года, въ 1835 г. Чаадаевъ писалъ А. И. Тургеневу: «Люди Европы странно заблуждаются. Вотъ, напримѣръ, г. Жуффруа учитъ насъ, что мы предназначены цивилизовать Азію. Они упорствуютъ въ предоставленіи намъ востока; въ силу какого-то инстинкта европейской національности они насъ отбрасываютъ на востокъ, чтобы насъ больше не встрѣтить на западѣ».

Такимъ же непрошеннымъ совѣтникомъ Россіи былъ и Вильгельмъ II. Въ 1895 г. онъ писалъ Императору Николаю II: «Несомнѣнно, что для Россіи великою задачею будущаго является дѣло цивилизаціи азіатскаго материка». Въ 1898 г. онъ писалъ «адмиралу Тихаго океана»: «Теперь, собственно говоря, ты хозяинъ Пекина», и старался внушить своему русскому корреспонденту евразійское суевѣріе къ Европѣ, которая «вся пропитана зловоніемъ».

Наибольшаго вниманія заслуживаетъ третья категорія западныхъ предтечъ русскихъ евразійцевъ. Сюда относятся дѣлавшіяся на западѣ Европы утвержденія, что Россія это не Европа, а особый монгольскій или туранскій міръ. Это началось еще въ XVII столѣтіи. Въ 1684 г. «Journal des Scavans» противопоставлялъ Европѣ Московію, сблизившуюся съ Китаемъ, татарскими землями и Туркестаномъ. Если бы былъ доведенъ до конца предпринятый М. Слонимомъ русскій переводъ воспоминаній Казановы, то русскій читатель узналъ бы, что этотъ порнографическій писатель и авантюристъ смотрѣлъ на Россію какъ на Евразію, считалъ языкъ москвитянъ «чисто татарскимъ діалектомъ» и отмѣчалъ сочетаніе въ русской культурѣ татарскихъ и византійскихъ элементовъ. Въ 1842 г. шведъ Ретціусъ отнесъ русскихъ, а заодно и всѣхъ славянъ, къ туранскому племени, что на нашихъ глазахъ продолжаетъ австріецъ Отмаръ Шпанъ, именующій чеховъ татарами. Ненавистникъ Россіи польскій эмигрантъ Ф. Духинскій утверждалъ, что «москали» это даже не великороссы, а туранцы. Они не имѣютъ права именоваться русскими, ибо сіе имя по праву принадлежитъ только малороссамъ и бѣлоруссамъ, которые должны быть объединены Польшею въ одно враждебное москалямъ государство съ границею, проходящею по Днѣпру и Западной Двинѣ. Заслуживаетъ вниманія, что эту теорію отвергали не только русскіе ученые, какъ Пыпинъ, Костомаровъ, и Ламанскій, но даже и польскіе, какъ напримѣръ Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ особой брошюрѣ осудившій Духинскаго, по поводу торжественнаго празднованія въ 1886 г. юбилея его дѣятельности. Зато идеями Духинскаго широко воспользовались нѣмецкіе и особенно французскіе публицисты и ученые.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, наканунѣ нападенія Пруссіи на Францію, французское общественное мнѣніе, въ силу какого-то невѣроятнаго ослѣпленія, видѣло въ Россіи угрозу и для себя и для всей Европы, извлекло изъ подъ спуда мифическое завѣщаніе Петра Великаго о завоеваніи Европы и считало своимъ призваніемъ предостеречь Европу отъ русской татарщины. При этомъ Ренанъ проявилъ столь брезгливое отношеніе къ этой татарщинѣ, что утверждалъ: «Смерть француза, это происшествіе въ моральномъ мірѣ; смерть казака, это только физіологическое явленіе». Въ связи съ польскимъ возстаніемъ 1863 г. и особенно послѣ 1867 г., быть можетъ подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго славянскимъ съѣздомъ въ Москвѣ, во Франціи появился рядъ книгъ, утверждавшихъ на основаніи данныхъ Духинскаго и собственныхъ домысловъ, что у Россіи нѣтъ ничего общаго ни съ Европой, ни съ европейскими славянами, ибо русскіе это туранцы. Тальбо въ книгѣ «Европа для европейцевъ» (1867 г.) исключалъ изъ Европы русскихъ «этихъ уральскихъ татаръ, которые сами себя назвали русскими, а потомъ славянами». Онъ же утверждалъ, что Россія, которая именуетъ себя христіанской, наполовину страна мусульманская». Ревиль утверждалъ: «казакъ, татаринъ, монголъ — вотъ вѣчный врагъ нашей расы». Анри Мартэнъ всецѣло примкнулъ къ ученію Духинскаго. Онъ признаетъ всѣхъ русскихъ туранцами, не исключая и Петра Великаго, этого татарина - преемника Аттилы. Его взгляды распространялъ въ Германіи нѣмецъ Кинкель, доказывавшій, что «духъ и преданія Европы доходятъ только до Двины и Днѣпра», и что «москвиты — отнюдь не славяне, но частью финскаго, частью турецко-татарскаго, вообще — туранскаго происхожденія». Онъ же доказывалъ необходимость отдѣленія отъ Россіи ея балтійскихъ провинцій и возстановленія польско-литовскаго государства до Днѣпра. По поводу всей этой евразійщіи Россіи западными писателями и ея практическихъ послѣдствій, проф. Влад. Ив. Ламанскій писалъ: «О томъ, что москвиты не славяне, и о томъ, какъ это важно въ научномъ и политическомъ отношеніи, говорятъ публично во французскомъ Сенатѣ, въ ученыхъ обществахъ въ Парижѣ, въ географическомъ,